Плашинова Анастасия Владимировна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Москва, Россия
9cherries89@gmail.com

НАУКА И МИСТИКА В АНОНИМНОМ РАССКАЗЕ «УПЫРЬ НА ФУРШТАТСКОЙ УЛИЦЕ»

Ключевые слова: «таинственная» повесть, наука, мистика, Крымская война, образ врача.

В статье рассказ анонимного автора «Упырь на Фурштатской улице» рассматривается как текст, построенный на взаимодействии мотивов, пришедших из романтической литературы, и мотивов, связанных с наукой и современностью. Анализ предполагаемых источников текста – известных зарубежных произведений эпохи романтизма, а также русской беллетристики 1840–1850-х гг. – позволяет проследить то, как остросовременный в 1850-е гг. сюжет о Крымской войне и зарождающейся психиатрической науке реализуется автором на основе традиционной фабулы о женихе-мертвеце в рамках «шаблона» романтического рассказа.

Plashinova Anastasia

National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
Moscow, Russia

SCIENCE AND MYSTICISM IN THE SHORT STORY “A GHOUL IN FURSHTATSKAYA STREET”

Keywords: fantastic short story, science, mysticism, Crimean war, image of a doctor.

In the article, a short story “A Ghoul in Furshtatskaya street” by an anonymous author is considered as a text, which combines romantic motifs and motifs of science and the present. The analysis of supposed sources of the short story – famous foreign romantic texts and Russian fiction of 1840–1850 – reveals how the extremely topical plot about Crimean war and psychiatry is realized in the typical mystical short story about ghost groom.

Введение

Рассказ неизвестного автора «Упырь на Фурштатской улице» был опубликован в журнале «Библиотека для чтения» в 1857 г. под криптонимом Р. Текст продолжает развитую традицию «таинственной» повести, расцвет которой пришелся в России на 1830-е гг. К 1850-м гг., когда массовое увлечение мистикой сменяется интересом к науке, этот жанр становится маргинальным.

Фабула текста сочетает старые сюжетные ходы с новыми проблемами. В ее основе — знакомство врача Ивана Петровича с девушкой Анной Карловной, день за днем становящейся все бледнее и бледнее. Ни один из методов лечения не помогает, но перед смертью героиня признается, что знает причину своего состояния: к ней приходит ее погибший в Крымской войне жених и пьет ее кровь. Позже Иван Петрович выясняет, что девушка увлекалась готической литературой, и именно это вызвало помешательство и физический недуг, однако многие детали этой истории по-прежнему не поддаются рациональному объяснению.

Мистическое в рассказе

Тексты о вампирах-женихах — явление в романтической литературе нередкое. Мы предполагаем, что автор мог использовать в качестве источника балладу Г. А. Бюргера (Bürger) «Ленора» («Lenore»). Жених героини баллады также погибает на войне, а затем приходит и забирает невесту на тот свет. Возможно, ассоциации с сюжетом «Леноры» у писателя вызвало военное время: героиня не может осознать смерть своего жениха в Крымской войне. Действие же баллады происходит во время окончания Семилетней войны. Естественно, что обе эти войны шокировали современников своими масштабами и кровопролитностью, а потому можно предположить, что замысел «Упыря на Фурштатской улице» мог возникнуть у автора в период возвращения солдат с фронта. Как бы то ни было, несомненно, что «Ленора» в данном случае служит созданию фантастического фона, на который накладывается отличный от оригинального остросовременный сюжет. В балладе главную роль играет мотив скорби, важна идея покорности судьбе. В «Упыре на Фурштатской улице» автора, очевидно, занимают вопросы помешательства, войны, литературы и их влияния на человека.

Функцию создания фантастического фона в тексте выполняют и отсылки к творчеству Э. Т. А. Гофмана (Hoffmann), у которого автор заимствует не только сюжетные элементы, но и проблематику. Главная проблема романа в новеллах «Серапионовы братья» («Die Serapionsbrüder») — соотношение в мире научного познания и непознаваемых сил. Обращают на себя внимание сюжетные параллели между рассказом и новеллой «Зловещий гость» («Der unheimliche Gast»). Ее героиня после смерти нелюбимого ею жениха вдруг погружается в странный сон, которому приглашенный доктор не может найти причин. Вдруг девушка быстро встает и с возгласом «Он

здесь! Он здесь!» [Гофман, 1999, с. 106] (который произносит и Анна Карловна) выбегает за ворота. Следующая сцена не может не заставить вспомнить текст Бюргера: за воротами девушка видит всадника, которым оказывается ее возлюбленный, считавшийся погибшим на войне. Выясняется, что он долгое время был в плену. Кончается новелла свадьбой. Гофман, если он ориентировался на «Ленору», создает в своем романе оптимистичный вариант развития этого сюжета. Р… же, доводя развитие действия до той же фразы «Он здесь!», направляет историю по бюргеровскому пути, завершая рассказ смертью героини. Вбирая в себя черты двух текстов — гофмановской почти сказочной новеллы и бюргеровской мрачной баллады, — рассказ приходит к трагическому, но реалистичному финалу. Ситуация теряет романтическую таинственность: жених здесь — не благородный спаситель и не загадочный мертвец, а один из тысяч погибших офицеров и солдат.

Образ героини

В образе героини «Упыря на Фурштатской улице» воплощен популярный типаж молодой немки — «пылкой мечтательницы», который рассмотрели в своей статье «Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х — начало 1840-х гг.)» А. В. Жуковская, Н. Н. Мазур и А. М. Песков. Они отмечают, что такие девушки «обычно умирают от любовной тоски либо нервической горячки» [Жуковская и др., 1998, с. 47], причинами которых служат разлука с любимым, его смерть или измена. Важно отметить, что такие героини обычно противопоставлены прозаической жизни «добрых немцев» — другого распространенного типажа, к которому вполне можно отнести отца героини.

Образ героя и «научные» мотивы

Образ Ивана Петровича также противопоставлен образу героини. В нем отражены характерные черты героев-врачей той эпохи. Обращает на себя внимание его рассеянность и чрезмерная увлеченность своим предметом: он носит пальто в помещении и дамские меховые туфли, может спокойно препарировать палец и пить чай… Как отмечает в книге «Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX вв.» К. А. Богданов, традиция изображения докторов как людей неряшливых, не понимающих жизни восходит еще к представлениям допетровских времен. Пер-

вые профессиональные врачи на Руси были иностранцами, часто они не понимали русского образа жизни, неуверенно владели русским языком. Именно поэтому герои-врачи в русской литературе до середины XIX в., а то и позже, часто были показаны сатирически, как, например, врач Гибнер из пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор». Отголоски такого отношения к докторам и к медицине в целом слышны и в словах героев «Упыря на Фурштатской улице»: «Ножевая медицина дело хорошее; а стекляночная медицина — никуда негодна» [Упырь на Фурштатской улице, 1857, с. 51 (подпись: Р…)]. Образ Ивана Петровича — увлеченного, но оторванного от жизни, — очевидным образом наследует этой традиции, но примечательно, что герой — русский, и это подчеркнуто и его именем, и манерой речи со множеством фразеологизмов.

Образ этого героя развивает и еще одну традицию изображения представителей медицинской профессии. Для таких персонажей часто характерно равнодушие к больному как к человеку, видение его только в качестве объекта. Примечательна его реакция при виде Анны Карловны: «чудный субъект», «великолепнейший chlorosis в полном развитии» [Там же, с. 44]. Такое изображение врача является примером еще одного указанного в книге Богданова предубеждения: «Имея дело по роду своей профессии с человеческим телом, врач не разбирается в душе, а соответственно, и в людях» [Богданов, 2005, с. 29]. В образе Ивана Петровича отношение к человеку как к совокупности органов и симптомов доведено до карикатурности, однако при этом нельзя сказать, что он совсем не разбирается в человеческих отношениях. Так, он делает меткие замечания об особенностях воспитания детей в межнациональных браках, умеет установить эмоциональный контакт с пациентом. В эпоху, описанную в рассказе, медицина перестает быть наукой только о теле — все больше медиков начинают интересовать душевные болезни. Поэтому образ героя в «Упыре на Фурштатской улице» усложняется по сравнению с персонажами из более ранних текстов: это уже не замкнутый неспособный на чувства человек. Герой становится более социальным, но его взгляд на мир не меняется — только «объектов» в этом мире становится больше.

Заключение

Итак, мотивы науки в рассказе важны, прежде всего, в создании образа главного героя — врача новой эпохи. Он уже не вписывается в стереотипное представление о врачах, бытовавшее на протяжении

веков, но, как и Евгений Базаров через несколько лет, Иван Петрович не всегда способен сохранить свой рационализм и веру в безграничное научное познание. Вера же в сверхъестественное, хотя и изживает себя, но все еще присутствует в общественном сознании и сознании Ивана Петровича, как бы напоминая, что человек может не все.

С другой стороны, текст показывает, что происходящие события, такие, как Крымская война, иногда оказываются невероятнее любой мистической истории. И горы трупов, и усеянные ядрами поля боя, и объяснение наукой всех движений человеческой души, и смерть девушки, причиной которой стало всего лишь самовнушение, — все это вполне способно составить достойную конкуренцию мистическим произведениям прошлого, и это ощущают герои.

Иван Петрович привык ко всему относиться рационально, в своей страсти к анатомии доходя до неадекватного поведения. Анна Карловна сходит с ума, пытаясь найти объяснение произошедшему с ее женихом. Эти герои, которые кажутся почти противоположностями, в одном оказываются схожи: война довела их до близкого к сумасшествию состояния, и оба они, стараясь осознать это событие, готовы увидеть в нем фантастическое — пугающее, но одновременно очень знакомое, пришедшее из прошлого. Таким образом, в рассказе «Упырь на Фурштатской улице» научное, современное оказывается воплощенным в форме «таинственной» повести с героями-типажами, и выясняется, что в мистику иногда поверить легче, чем в реальность.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. 504 с.

Гофман Э. Т. А. Зловещий гость / Пер. с нем. С. Е. Шлапоберской // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Кн. 2 / Сост. А. Ботникова, А. Карельский, коммент. Д. Чавчанидзе. М.: Художественная литература, 1999. 494 с. — С. 85–123.

Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-ых — начало 1840-ых) // Новое литературное обозрение. № 34. 1998. С. 37–55.

Упырь на Фурштатской улице // Библиотека для чтения. № 2 (т. 142). 1857. С. 43–62. (подпись: Р…).